

Ссора королев

Сказания о героях

В тот же день, около полудня, Брунхильд покинула свой замок на горе Гиндарфиаль и в сопровождении Гуннара и его спутников отправилась в королевство Гьюкингов. Молодой король сиял от счастья. Он ехал рядом с женой, любуясь ее необычайной красотой и не замечая, что ни она, ни Сигурд Гутторном не разделяют его веселья. Едва увидев Вольсунга, уже снова принявшего свой прежний облик, Брунхильд изменилась в лице и потом всю дорогу была мрачной. Ее наморщенный лоб и сдвинутые брови выдавали тайные думы, а смех звучал неискренне и печально. Сигурд молчал и старался держаться поодаль от обоих супругов. Перед его глазами то и дело вставала высокая гора, блестящий, сложенный из щитов шатер на ее вершине, а рядом с ним девушка с распущенными каштановыми волосами, напоминающая ему, чтобы он не забыл о своей клятве.

"Сон это или явь? - думал он. - Видел ли я ее прежде, а если видел, то как мог забыть?"

Гутторн исподтишка следил за Вольсунгом и, казалось, читал его мысли.

- Видно, волшебный напиток моей матери постепенно теряет свою силу, - шептал сводный брат короля, и на его сумрачном, некрасивом лице появилась едва заметная злая улыбка. - Посмотрим, что будет дальше.

Веселость Гуннара росла с каждым днем по мере того, как их путешествие подходило к концу, но его возвращение в замок было далеко не таким радостным, как он того ожидал. Войдя в дом своего мужа, Брунхильд холодно поприветствовала Хогни, резким движением, почти с ненавистью отстранилась от Гудрун, которая пыталась обнять невестку, и, не сказав ей ни слова, молча ушла в свои покои.

- Странная у тебя жена, Гуннар, - удивленно заметил Хогни. - Правда, она очень красива, но мне кажется, что у нее злое сердце.

- Ничего, - немного смутившись, отвечал король, стараясь не смотреть в полные слез глаза сестры. - Она еще к нам не привыкла. Через несколько дней все будет иначе.

Но проходили дни и недели, а ничего не менялось. Брунхильд старалась как можно реже встречаться с Гудрун, а если та с ней заговаривала, отвечала холодно, даже враждебно. Не понимая причины этой ненависти, молодая женщина часто плакала, и ее горе еще усиливалось от перемены, происшедшей в Сигурде. Он почти не разговаривал с женой и по целым дням не бывал дома, то уходя на охоту, то навещая кого-нибудь из соседей. Лежащий у него за пазухой Андваранаут жег ему грудь. Теперь он уже не сомневался, что сам подарил его бывшей валькирии, хотя память его все еще была затуманена и он не понимал, когда и как это случилось. Наконец, чтобы не думать больше о роковом кольце, он отдал его Гудрун, рассказав ей, как получил его под видом Гуннара, но скрыв, что оно раньше принадлежало ему.

"Уж не подозревает ли Брунхильд, что ее обманули? - подумала Гудрун, выслушав рассказ Вольсунга. - Может быть, поэтому она меня и ненавидит? Но ведь мой брат хорошего рода, молод, красив и храбр, и она должна быть счастлива, что стала его женой!"

И она решила при первом же случае еще раз заговорить со своей невесткой и попытаться с ней подружиться.

Через несколько дней после этого разговора из Дании прискакал гонец, привезший Вольсунгу печальную весть. Предчувствие Гьердис ее не обмануло: она умерла, так и не дождавшись возвращения сына. Тяжелое горе заставило Сигурда забыть на время о прекрасной валькирии, и он поспешно выехал к Хиальпреку, чтобы справить у него поминки по матери.

Он отсутствовал уже более месяца, когда однажды, гуляя около речки, Гудрун заметила сквозь кусты купающуюся Брунхильд.

"Вот случай, которого я искала: теперь мне удастся с ней поговорить!" - сказала она себе и, проворно раздевшись, бросилась в воду.

Однако все произошло не так, как она думала. Заметив ее, бывшая валькирия быстро отошла на несколько шагов в сторону и воскликнула, гневно сверкнув глазами:

- Не смей подплывать ко мне близко, я не хочу, чтобы вода, которая оmyвает твоё тело, касалась и меня! Я королева, а ты жена бывшего пленника датского короля, а ныне - слуги моего мужа!

- Победитель дракона Фафнира не нуждается в короне, - возразила Гудрун, гордо подымая свою белокурую голову. - Сигурд никогда не был и не будет ничьим слугой. Короли гордятся его дружбой, и среди них нет никого кто бы был храбрее и богаче моего мужа.

- Да, я уже слышала, что он убил какого-то дракона и захватил его сокровища, - презрительно усмехнулась Брунхильд. - Но все-таки не он, а мой муж - король этой страны, не он, а мой муж - храбрейший человек на свете, потому что не Сигурд, а Гуннар прошел сквозь пламя, чтобы получить меня в жены!

- Не Сигурд, а Гуннар прошел сквозь пламя? - повторила Гудрун. - Так ты ничего не знаешь?

- Да, да, не Сигурд, а Гуннар! - почти закричала Брунхильд. - Твой Сигурд жалкий трус по сравнению с моим мужем, и ты недостойна даже стоять рядом со мной, женой такого героя!

Кровь бросилась в голову Гудрун. Уже не осознавая, что делает, она шагнула вперед и поднесла к лицу бывшей валькирии свою руку, на которой ярко сверкал Андваранаут.

- А это кольцо ты тоже дала Гуннару? - спросила она дрожащим от волнения голосом. - Так объясни же, как оно попало ко мне. Уж не думаешь ли ты, что его подарил мне мой брат?

Брунхильд пошатнулась и схватилась рукой за сердце.

- Откуда оно у тебя? - еле слышно произнесла она.

- Я получила его от того, кто прошел сквозь огненную стену, от моего мужа, Сигурда! - торжествующе сказала Гудрун, успокаиваясь при виде волнения невестки.

- Ты лжешь! - снова закричала та. - Ты лжешь!

- Я лгу? - рассмеялась Гудрун. И это говоришь ты, мудрая валькирия? Да разве Грани пошел бы под кем-нибудь другим, кроме своего хозяина? Разве ты сама не сумела отличить голубых глаз Сигурда от серых глаз моего брата?

Но Брунхильд ее уже не слушала. Разбрызгивая кругом воду, она

стремительно выскочила на берег и, подхватив на ходу свое платье, не оглядываясь, побежала к замку.

"Уж не сказала ли я чего-нибудь лишнего? - подумала Гудрун, оставшись одна. - Но ведь Брунхильд сама виновата: зачем она меня оскорбила?"

Взволнованная и опечаленная своим разговором с невесткой, она еще долго купалась, а потом гуляла по окрестностям замка и вернулась домой только к ночи. Тут ее подждал встревоженный Гуннар.

- С Брунхильд что-то случилось, - сказал он. - Она не выходит из своей спальни, не ест, не пьет и все время молчит. Уж не околдовал ли ее кто-нибудь?

Гудрун опустила глаза: ей не хотелось рассказывать об их ссоре.

- Я ничего не знаю, брат, - тихо отвечала она и поспешила уйти к себе.

Все последующие дни Брунхильд не выходила ни к завтраку, ни к обеду, ни к ужину. Забившись в угол и уставившись глазами в стену, она, словно окаменев, не двигалась с места и не отвечала, когда ее о чем-нибудь спрашивали. Гуннар был в отчаянии.

- Пойди к ней, Хогни, - умолял он брата. - Может быть, тебе она объяснит, что с ней произошло.

Хогни с недовольным видом отправился к бывшей валькирии и вскоре вернулся обратно.

- Лучше оставь ее в покое, Гуннар, - сердито проворчал он. - По-моему, она просто капризничает. Еще день, два, и все пойдет по-прежнему.

Король недоверчиво покачал головой, а стоявшая тут же Гудрун, которая чувствовала свою вину перед невесткой, хотя и не понимала ее горя, нерешительно предложила:

- Давай я сама поговорю с ней, Гуннар. Мне кажется, что это не колдовство и не простой каприз.

Робко войдя в спальню королевы и увидев ее воспаленные от бессонных ночей красные веки и бледно-матовое, как у покойницы, лицо, Гудрун не на шутку испугалась.

- Брунхильд, Брунхильд, - позвала она. - Это я, Гудрун, пришла повидаться с тобой.

Темно-синие глаза валькирии оставались неподвижными и безжизненными. Казалось, она ничего больше не видела и не слышала.

- Брунхильд! - не выдержав, заплакала Гудрун. - Успокойся, Гуннар любит тебя больше всего на свете и в своей храбрости не уступает Сигурду. Он не прошел сквозь огонь только потому, что Грани его не послушался.

И, бросившись на колени перед невесткой, она обняла ее руками за талию.

Брунхильд не шевельнулась, не пыталась вырваться, и на мгновение Гудрун почудилось, что она обнимает труп.

- О, боги, что я наделала! - в отчаянии вскричала она, выбегая из спальни.

Часом позже, незадолго до заката солнца, в замок прискакал Сигурд. Он вернулся еще более мрачным, чем поехал, и без обычной теплоты ответил на объятия жены, но Гудрун приписала это его тоске по матери.

- Ах, Сигурд, если бы ты только знал, что я наделала! - чистосердечно призналась она. - Я показала Брунхильд Андваранаут, и теперь она вот уже который день не ест, не пьет, не спит, и того и гляди, расстанется с жизнью.

Богатырь вздрогнул.

- Как же ты могла раскрыть ей нашу тайну? - воскликнул он. - Знаешь ли ты, что теперь она возненавидит меня, как самого злейшего врага, и мы должны будем немедленно уехать из замка твоего брата!

- Но почему же, Сигурд? - не поняла Гудрун. - За что ей тебя ненавидеть? Разве Гуннар так плох? Не лучше ли тебе поговорить с Брунхильд и попросить у нее прощения?

- Мне с Брунхильд? - медленно произнес Вольсунг. - Нет, она...

Он не успел договорить, так как в это время в дверях показались Гуннар и Гутторн, которого тоже вот уже целую неделю не было в замке.

- Прости меня, Сигурд, - обратился к своему другу старший Гьюкинг, - но мой сводный брат уверяет, что Брунхильд заколдована и что только ты один можешь избавить ее от этих чар.

- Да, это так, - подтвердил Гутторн, с лукавой усмешкой поглядывая то на короля, то на богатыря. - Поговори с ней, сын Сигмунда, и ей сразу станет лучше.

- Помоги ей, Сигурд! - попросила его и Гудрун, ласкаясь к мужу.

Вольсунг с минуту колебался, а потом выпрямился и решительно потрянул головой.

- Хорошо, если вы все этого хотите, я пойду к ней, - сказал он.

Когда богатырь открыл дверь в королевскую спальню, Брунхильд уже не сидела в своем углу, а стояла у окна, и ее глаза снова блестели, как и прежде.

- Я ждала тебя, Сигурд, - промолвила она спокойно. - Я слышала топот Грани, а потом в замке раздался твой голос, и он заставил меня очнуться от моих мыслей, ток же как разбудил когда-то от сна. Хотя, пожалуй, было бы лучше, если бы я совсем не просыпалась.

- Скажи мне, о чем ты горюешь? - спросил ее Вольсунг.

- И ты, ты, Сигурд, об этом меня спрашиваешь! - воскликнула валькирия. - Скажи лучше, что случилось с моими клятвами! Я обещала богам выйти замуж за самого храброго человека в мире, а он женился на другой. Затем я поклялась стать женой того, кто проберется ко мне в замок сквозь огненную стену. Тебе лучше знать, сдержала ли я свое слово!

- Но ведь Гуннар тоже очень храбр и не менее знаменит, чем я сам, - смущенно проговорил Сигурд. - Он...

- Каким бы он ни был, в моем сердце ему нет места! - резко перебила его Брунхильд. - Разве он убил дракона? Разве он меня разбудил? Разве он дважды проехал сквозь пламя? Нет, это сделал другой, тот, кто так легко забыл свою клятву!

- Да, я забыл ее, Брунхильд, - сказал Вольсунг, опуская голову. - Забыл тебя, забыл нашу встречу, хотя и не понимаю, как это случилось. Я ясно вспомнил об этом только теперь, когда возвращался из Дании. Скажи мне, чего ты хочешь?

- Твоей смерти! - порывисто вскричала королева. - И только твоей смерти!

Больше я ничего не хочу!

- Ты скоро дождешься ее, Брунхильд, - сурово и спокойно ответил Вольсунг. - Фафнир предсказал мне, что я скоро погибну, и мое сердце говорит мне то же самое.

Суровое лицо валькирии немного смягчилось.

- Я догадываюсь, что тебя дали волшебный напиток, который затуманивает память, - проговорила она наконец, опускаясь на скамью. - Это могла сделать только Кримхильд. Я знаю, она была колдуньей. О горе мне! - опять воскликнула она, хватаясь за голову. - Мое сердце рвется к тебе, а ты меня ненавидишь!

- Я ненавижу тебя, Брунхильд? - удивленно повторил Сигурд, садясь рядом с ней. Я ненавижу себя за то, что смог забыть нашу встречу! Я ненавижу себя за то, что женился на другой! Я снова люблю тебя, люблю больше, чем когда бы то ни было! Уедем отсюда, поедem в Данию, или к франкам, или к твоему брату Атли и будем жить вместе.

- Нет! - твердо сказала Брунхильд вставая. - Никогда! Никогда у меня не будет второго мужа, и недостойно тебя, Сигурд, предлагать мне это.

- Я не понимаю тебя, Брунхильд, - покачал головой Вольсунг. - То ты говоришь, что я тебе дорог, то желаешь моей смерти. То ты не желаешь видеть Гуннара, то хочешь остаться ему верной. Я еще и еще раз спрашиваю тебя: чего ты хочешь?

- Разве я сама это знаю? - возразила валькирия. - Я хотела твоей любви, но она принадлежит не мне, а этой ненавистной белокурой и голубоглазой Гудрун. Я хотела выйти замуж за Сигурда, а вышла за Гуннара, а теперь не хочу ни того, ни другого. Ах, если бы мы оба умерли! Для нас это было бы лучше всего! Прощай!

И она показала Сигурду на дверь.

Повинуясь ее знаку, богатырь безмолвно вышел и, сказав Гуннару, что Брунхильд лучше и что она теперь снова разговаривает, покинул замок.

До поздней ночи бродил он в лесу, а в ушах его по-прежнему раздавалось одно и то же: "Ах, если б мы оба умерли! Для нас это было бы лучше всего!"